

Звонок завершился уже какое-то время назад, а Цзян Шоуянь всё ещё отстранённо смотрел на погасший экран телефона. Пушок, сидя на месте, то и дело склонял голову набок и пару раз гавкнул, прежде чем Цзян Шоуянь пришёл в себя.

В голове Цзян Шоуяня всё ещё эхом отдавалась недавняя фраза: «Спасибо тебе, Цзян Шоуянь». Это был его первый контакт со старшими родственниками Чэн Цзайе, и хотя они перекинулись всего одной фразой, у него от волнения горели уши.

Он открыл диалог с Чэн Цзайе: «Почему ты не предупредил меня заранее?!» Только он собрался отправить сообщение, как испугался: а что, если телефон всё ещё у его бабушки и тот его не забрал? Он поджал губы и молча стёр набранное.

Через пару секунд Чэн Цзайе получил сообщение: «Когда перезвонишь?» Он усмехнулся, вышел со двора и поднялся на третий этаж.

Цзян Шоуянь немного подождал ответа, но ничего не пришло. Не успел он отложить телефон, как тот резко зазвонил. От неожиданности пиала едва не выскользнула у него из рук. Цзян Шоуянь до смерти боялся, что Чэн Цзайе снова выкинет какой-нибудь фокус, и что стоит ему ответить, как на экране появится добродушное лицо бабушки. Поэтому он без малейших колебаний нажал на отбой. Сбросив, он тут же попытался оправдаться: «Прости, не туда нажал». Не успел он допечатать, как от Чэн Цзайе пришло сообщение: «Я тут один».

Когда видеосвязь установилась, Цзян Шоуянь увидел, как уголки губ Чэн Цзайе неудержимо ползут вверх. От возмущения ему захотелось его поцарапать, но он сохранил совершенно невозмутимое выражение лица.

Чэн Цзайе сказал:

— Просто бабушка заговорила об этом, и я подумал, что момент самый подходящий, вот я и дал вам поздороваться. Надеюсь, я тебя не напугал?

Цзян Шоуянь, у которого всё ещё горела кожа на затылке, отказался признать свою слабость:

— Нет.

Чэн Цзайе улыбнулся:

— Вот и отлично, а то я боялся, что тебе будет некомфортно.

Чэн Цзайе какое-то время смотрел на покрасневшие кончики ушей Цзян Шоуяня, и у него на сердце стало так щеотно, словно там лопались пузырьки газировки. Его улыбка стала ещё шире. Цзян Шоуянь смотрел в эти глубоко посаженные глаза с длинными, загнутыми вверх ресницами, похожими на лепестки подсолнуха, и даже если в душе у него оставалась капля недовольства, от одного этого вида она без остатка растворилась в нежности.

Цзян Шоуянь беззвучно вздохнул, как вдруг увидел, что объектив на том конце переключился на основную камеру. Его сердце ёкнуло, пульс, долгое время остававшийся ровным, подскочил который раз за сегодня. Подумав, что Чэн Цзайе снова собирается знакомить его с какими-нибудь родственниками или друзьями, он попытался закрыть рукой свою камеру. Затем объектив сфокусировался, и Цзян Шоуянь увидел людей, стоявших внизу небольшими группами. Его поднятая рука резко замерла.

Чэн Цзайе произнёс:

— Отсюда лучший вид, всех можно разглядеть. — Сначала он указал в одном направлении: — Вон там, под деревом, моя бабушка. Перед колонной — Чэн Юэ, тот самый, который только что назвал тебя невесткой. Слева от него — его отец, старший брат моей мамы, то есть мой старший дядя. Кажется, ему читают нотации, — за кадром послышался смешок. — Наверное, заметили, что он втихаря проколол язык.

Чэн Цзайе указывал на каждого по очереди и представлял Цзян Шоуяню. Из-за приличного расстояния тот не мог различить лиц, но всё равно очень внимательно смотрел и, поддакивая, так же внимательно слушал.

Внизу вдруг раздались радостные возгласы. Под этот шум бабушка обернулась: по дорожке неспешно и грациозно приближалась женщина с букетом цветов, а рядом с ней шёл высокий кудрявый мужчина. Цзян Шоуяню не нужно было, чтобы Чэн Цзайе представлял их — он и сам догадался, кто эти двое. Он придвинулся ближе к экрану, желая разглядеть их получше, но в видеозвонках нет функции зума, так что резкость была весьма ограничена. Цзян Шоуянь смог разобрать лишь то, что они смеются.

Чэн Цзайе опёрся локтями о перила, опустив глаза и наблюдая за сосредоточенной макушкой на экране телефона. Спустя долгое мгновение он с улыбкой произнёс:

— Цзян Шоуянь, вот это — моя семья.

После того как звонок завершился, шум этого веселья, казалось, всё ещё звенел в ушах, не желая рассеиваться. Цзян Шоуянь опустил голову, глядя на керамическую столешницу, чистую и белую. В его сердце вдруг проклюнулась необъяснимая пустота.

Вечером, сидя на диване, он одной рукой листал ленту в телефоне, а другой дразнил Пушка игрушкой. Его палец случайно нажал на диалог с Чэн Цзайе. Тот, видимо, всё ещё был занят: за всю вторую половину дня он почти ничего не писал. Цзян Шоуянь бесцельно прокручивал историю переписки, как вдруг телефон завибрировал — выскочило сообщение от Ци Чжоу. Цзян Шоуянь переключил диалоги.

Ци Чжоу: Я взял отгулы на Новый год, завтра выходной, вернусь третьего числа.

Ци Чжоу: Собираемся с Линь-гэ поехать на малую родину. Как планируешь отмечать? Чэн Цзайе ведь уехал к своим, да? Может, поедешь с нами? Всё равно это рядом.

Цзян Шоуянь посмотрел на эти несколько строчек, немного посидел в подавленном настроении и медленно напечатал: «Не нужно».

Вверху появилось: «Печатает...» Цзян Шоуянь тут же добавил: «Он сказал, что вернётся сразу после наступления Нового года».

«Печатает...» исчезло, а через мгновение появилось снова.

Ци Чжоу: Ну ладно.

Они поболтали ещё немного, Ци Чжоу спросил, не привезти ли им чего-нибудь. Возможно, из-за того, что в этом году он остался совсем один, у Цзян Шоуяня не было настроения. Большую часть написанного составляли слова «не нужно».

Ожидая ответа, Цзян Шоуянь вышел из чата и немного полистал ленту в «Моментях». Те, у кого каникулы начались раньше, уже сидели дома, укутавшись в пуховики, грелись у огня и взрывали петарды. Те, кто вышел на каникулы позже, делились тем, какие новогодние товары успели купить и сколько денег вытянули в праздничных красных конвертах от компании... Прокручивая вниз, он видел сплошь пёструю радостную суету. Раньше он и не замечал, что они такие активные.

Цзян Шоуянь молча отложил телефон. Ему вдруг показалось, что квартира до звона пуста, а вокруг только незнакомые ему вещи. Он потискал передние лапки Пушка, играя с ним, и спросил:

— Пойдём гулять?

Пушок понял слово «гулять», его уши возбуждённо наострились:

— Гав!

Цзян Шоуянь достал из шкафа поводок, пристегнул его к ошейнику. Выходя из квартиры, он огляделся: соседи уже повесили новые парные надписи и перевёрнутый иероглиф «счастье». Цзян Шоуянь посмотрел на свою дверь. Те надписи, что в прошлом году наклеила бабушка, наверное, ещё не сорвали... А затем, когда его взгляд уткнулся в пустоту, осознал: это не его дом, это съёмная квартира.

Его посетило неопишуемое чувство. Довольно долго Цзян Шоуянь молча стоял, не двигаясь.

Он давно не выходил на улицу и только сегодня заметил, что в жилом комплексе растянули транспарант «Поздравляем всех жильцов с Праздником Весны!». Деревья были увешаны маленькими фонариками и плетёными узелками. Отовсюду сияло золотое и красное. Казалось, даже ночной холод слегка отступил, уступив место радости и уюту.

Цзян Шоуянь плотнее укутался в шарф и, опустив голову, свернул на узкую тропинку. Плетёные узелки на фонарных столбах мягко покачивались на вечернем ветру, и мысли Цзян

Шоуяня, подобно теням на земле, становились зыбкими. Он подумал, что, возможно, много-много лет назад, когда он только родился и ещё ничего не помнил, у него тоже был Новый год в кругу полной семьи. Были родители, бабушка, перед ним крутили погремушку-барабанчик, заставляя его смеяться, и под её «дон-дон-дон» говорили ему, что он стал на год старше. Так один за другим шли годы, и один за другим уходили люди.

Цзян Шоуянь вышел с тропинки на широкую улицу, где висели ещё более крупные красные фонари. Его взгляд остановился на чёрном автомобиле, который свернул к обочине и остановился. Свет фар заставил его слегка прищуриться. В их свете он увидел, как Чэн Цзайе открывает дверцу машины.

Пушок от возбуждения начал на месте крутиться волчком. Цзян Шоуянь, держа поводок, подошёл ближе. Чэн Цзайе поднял руку и поправил шарф, сбившийся под воротник куртки.

Вереница красных фонарей извивалась над его головой, уходя вдаль, и Цзян Шоуянь вдруг ощутил радостное спокойствие оттого, что впереди у них ещё так много дней. У него накопилось столько вопросов, но, когда слова сорвались с губ, осталась лишь одна фраза:

— Почему ты вернулся раньше?

Чэн Цзайе тоже хотел рассказать о многом, но у него перед глазами всё ещё стоял этот хрупкий, одинокий силуэт — человек, выгуливающий собаку, совершенно чуждый окружающей его праздничной суете.

— Соскучился по тебе.

Цзян Шоуянь на мгновение уткнулся лицом в его плечо. Пушок, счастливо бегая кругами у их

ног, успешно обвязал обоих поводком. Потеряв равновесие, Чэн Цзайе пошатнулся и чуть не упал назад, ударившись локтем о край окна машины. Опустив голову, он отчитал пса:

— Неблагодарный сын!

Пушок ничего не понял, он сидел и, высунув язык, часто дышал. Цзян Шоуянь, глядя на него, тихо рассмеялся, медленно потираясь головой о плечо Чэн Цзайе. Казалось, от него всё ещё исходило не успевшее развеяться праздничное тепло, и от этого на душе у Цзян Шоуяня тоже стало теплее и оживлённее. Он поднял голову, посмотрел на Чэн Цзайе и произнёс:

— Давай переедем обратно. Я хочу встретить Новый год дома.

Ехать было недалеко, да и вещей оказалось немного. Лишь оказавшись перед дверью и взглянув на знакомые парные надписи, Цзян Шоуянь почувствовал, как в глубине души что-то незаметно обрело целостность. Он толкнул дверь, щёлкнул выключателем, и первым, что бросилось ему в глаза, был деревянный стол прямо напротив входа.

В квартире слишком долго никто не жил. Стоя в этой тихой прохладе, Цзян Шоуянь вспомнил еду, что появлялась на этом столе трижды в день, и заботливые руки, покрытые морщинами и мозолями. В этот раз он не сорвался в истерику. Напротив, он сам подошёл к столу и рассказал Чэн Цзайе, что в прошлом году они с бабушкой ужинали именно тут.

— По телевизору фоном шёл новогодний гала-концерт. И хотя нас было всего двое, она наготовила столько, что стол ломился от еды. А потом мы целую неделю доедали остатки.

Взгляд Цзян Шоуяня устремился вдаль. В этой квартире каждый уголок был пропитан воспоминаниями: вот бабушка сидит перед журнальным столиком и щёлкает семечки, вот она,

шаркая ногами, тащит табуретку, чтобы наклеить новогодние надписи...

Он рассказывал это с улыбкой, но, улыбаясь, всё равно не смог сдержать слёз. Он оцепенело посмотрел на Чэн Цзайе и с искренним непониманием спросил:

— Почему, когда я об этом вспоминаю, мне всё равно больно?

Чэн Цзайе, стоявший рядом, обхватил затылок Цзян Шоуяня и мягко прижал его к своей груди. Цзян Шоуянь посидел на стуле, приходя в себя, пока Чэн Цзайе вытирал слёзы в уголках его глаз. Взяв лицо Цзян Шоуяня в ладони, он опустил взгляд и произнёс:

— Ничего страшного, Цзян Шоуянь. Мы будем смотреть вперёд, а остальное оставим времени.

Иногда забвение — это дар.

Траурный портрет в спальне сняли со стены. Цзян Шоуянь стёр с него пыль и сказал Чэн Цзайе:

— Я не хочу запира́ть её здесь.

Чэн Цзайе кивнул:

— Тогда давай найдём другое место, чтобы повесить его.

В конце концов они расчистили угол на балконе от хлама и вбили в стену новый гвоздь.

— Так нормально? — спросил Чэн Цзайе.

— Правый край чуть повыше, — ответил Цзян Шоуянь. — Теперь ровно.

На балконе ярко горел свет. Чэн Цзайе слез с табуретки и встал рядом с Цзян Шоуянем. Они вместе смотрели на пожилую женщину в рамке, улыбающуюся с бесконечной добротой. Под портретом они поставили маленький деревянный столик.

Цзян Шоуянь обернулся, проследив за взглядом бабушки, и увидел, как за окном, в глубине бесконечной ночи в тысячах окон сверкают огни.

<http://bllate.org/book/14908/1725656>